

ТАЙНЫ АНТИЧНОЙ ИСТОРИИ

Андрей Савельев

НАСТОЯЩАЯ КЛАРТА

БЕЗ ДОМЫСЛОВ И НАВЕТОВ

Тайны античной истории

Андрей Савельев

**Настоящая Спарта. Без
домыслов и наветов**

«Книжный мир»

2011

Савельев А. Н.

Настоящая Спарта. Без домыслов и наветов / А. Н. Савельев — «Книжный мир», 2011 — (Тайны античной истории)

Новая книга доктора политических наук. Депутата Государственной Думы 4-го созыва, председателя политической партии «Великая Россия» Андрея Николаевича Савельева посвящена Спарте. Что мы знаем о Спарте? Древнее государство, где-то на южной оконечности Балкан. Еще – фильм «300 спартанцев», вернее два фильма. Кто такие спартанцы? Почему к ним относились с уважением и страхом? Не только потому, что это были замечательные воины и изобретатели военной подготовки юношества, но и за систему государственного обучения, особую эстетику и стиль жизни. Ореол мифов и легенд сложился вокруг Спарты еще в период античности. Кроме того, одни греки осуждали и высмеивали Спарту. Другие – удивлялись порядкам и обычаям спартанцев, восхищались военной мощью и стойкостью духа. Платон и Аристотель видели в Спарте образец стабильности, достойный подражания. История Спарты нам известна лишь фрагментарно. Современные историки, как и античные так же пользуются интерпретациями и вымыслами. В значительной степени источники предвзяты и содержат множество выдумок и домыслов. Когда мы слой за слоем очищаем историю от фантазий и наветов, перед нами открывается настоящая Спарта – прекрасное творение древних, которым мы можем любоваться и по которому можем учиться любить свое Отечество, защищать его от внешних врагов и внутренних распрей. Опыт спартанского государства учит нас необходимости сохранения священных традиций и социальных перегородок, включая учет специфики этнического. Спартанцы учат нас заботиться больше о духе нации, чем о предметах роскоши, которые через века попадут в музеи. Но Спарта учит нас и необходимости лидерства по отношению к соседним народам, если мы не хотим, чтобы архаика рано или поздно утащила наш народ в небытие. Книга адресована широкому кругу читателей, всем кто интересуется историей и культурой древних цивилизаций, современным развитием народов и государств, и кому не безразлична судьба родного Отечества. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Савельев А. Н., 2011

© Книжный мир, 2011

Содержание

Предисловие	7
Откуда взялись спартанцы	8
Спарты и спартанцы	14
Дорийцы против ахейцев	17
Многоликий народ	21
Этруски раскрывают тайну	26
От страны к государству	31
Тип спартанского государства	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Андрей Николаевич Савельев
Настоящая Спарта. Без
домыслов и наветов

© А. Н. Савельев, 2011

© «Книжный мир», 2011

Предисловие

История становится аргументом для оценок современности, а современность готова оценивать деяния предков, исходя из собственных представлений о справедливости, нравственности, целесообразности. Чем меньше достоверности в истории, тем шире простор интерпретаций – политических мифов, фабрикуемых на основе исторических домыслов. Дискредитировать историю проще, чем предъявлять претензии действующим правителям. Оскорблять прах давно ушедших поколений, смеяться над их страданиями, поносить их вождей и героев – любимое дело не только публицистов, но и тех, кто причисляет себя к профессиональному цеху ученых.

История Древней Греции – неисчерпаемый источник вдохновения мыслителей во все последующие эпохи. Но только современность направляет это вдохновение против самой истории, усматривая между событиями древности и текущими событиями не аналогии, а смысловые тождества. Без тени сомнения проводятся параллели между Афинами и послевоенными США, между Спартой и гитлеровским режимом, между законами Ликурга и правовой системой сталинизма. Чудовищность этих сопоставлений, разумеется, не имеет ничего общего с наукой, но научные монографии (не говоря уже о популярных изданиях) пестрят ими.

Беда интерпретаторов истории в том, что они лишены концептуального видения предмета своих исследований. Они судят историю по законам современности, не имея на это никаких оснований. Их представления о прошлом служат вовсе не подтверждению той или иной концепции и доказательству ее применимости к давним векам истории народов, а убогому морализаторству. Подспудно тем самым предполагается оправдать историческую науку перед политическими заказчиками, формирующими свой собственный политический миф за счет дискредитации исторического мифа, за счет разрушения того культурного стиля, который выстраивает мировоззрение культур и цивилизаций.

История не может игнорировать законы этнического развития, священный характер и смысл традиций, присущих событиям соответствующих эпох, законы войны, мира и политической конкуренции, общие для всех эпох. Все это создает инструментарий исследователя, применимый в рамках возможного «коридора событий» определенной культуры. Игнорирование этого ограничения означает фантазирование, подмену истории безосновательным вымыслом.

Историки, лишенные широкого философского взгляда на свой предмет, соединяют в одно целое представления о закономерностях жизни совершенно различных человеческих сообществ и культур. Поэтому они часто выходят за пределы исторической реальности и даже гипотетически возможной реальности. Вместо исследования древних эпох на злобу дня и политической конъюнктуры фабрикуются мифы – не древних эпох, а наших дней, когда ради «имиджа» можно опровергнуть научную истину.

Откуда взялись спартанцы

Кто такие спартанцы? Почему их место в древнегреческой истории выделено по сравнению с другими народами Эллады? Как выглядели спартанцы, можно ли понять, чьи родовые черты они наследовали?

Последний вопрос кажется очевидным только на первый взгляд. Очень просто считать, что греческая скульптура, представляющая образы афинян и жителей других греческих полисов, в равной мере представляет и образы спартанцев. Но где же тогда изваяния спартанских царей и полководцев, которые на протяжении веков действовали успешнее, чем вожди других греческих городов-государств? Где спартанские олимпийские герои, имена которых известны? Почему их облик не отразился в древнегреческом искусстве?

Что произошло в Греции между «гомеровским периодом» и началом становления новой культуры, чье зарождение отмечено геометрическим стилем – примитивными росписями ваз, больше похожими на петрогрифы?

Вазопись геометрического периода.

Как могло столь примитивное искусство, датируемое 8 в. до н. э. превратиться в великолепные образцы росписи по керамике, бронзового литья, скульптуры, архитектуры к 6–5 вв. до н. э.? Почему Спарта, возвысившись вместе с остальной Грецией, испытала культурный упадок? Почему этот упадок не помешал Спарте выстоять в борьбе с Афинами и на короткое время стать гегемоном Эллады? Почему военная победа не увенчалась созданием общегреческого государства, а вскоре после победы Спарты греческая государственность была разрушена внутренними распрями и внешними завоеваниями?

На многие вопросы ответ следует искать, вернувшись к вопросу о том, кто жил в Древней Греции, кто жил в Спарте: каковы были государственные, хозяйственные и культурные устремления спартанцев?

Менелай и Елена. Крылатый Бореад парит над сценой встречи, напоминая сюжет о похищении Орфиса, подобный похищению Елены.

Согласно Гомеру, спартанские цари организовали и возглавили поход против Трои. Может быть, герои троянской войны это и есть спартанцы? Нет, герои этой войны к известному нам государству Спарта не имеют никакого отношения. Их отделяют даже от архаичной истории Древней Греции «темные века», которые не оставили археологам никаких материалов и не отразились в греческом эпосе или литературе. Герои Гомера – это изустная традиция, которая пережила расцвет и забвение народов, давших автору «Илиады» и «Одиссеи» прообразы известных донны персонажей.

Троянская война (13–12 вв. до н. э.) прошла задолго до рождения Спарты (9–8 вв. до н. э.). Но народ, впоследствии основавший Спарту, вполне мог существовать, а позднее – участвовать в завоевании Пелопоннеса. Сюжет о похищении Парисом Елены, супруги «спартанского» царя Менелая, взят из доспартанского эпоса, родившегося среди народов крито-микенской культуры, предшествовавшей древнегреческой. Он связан с микенским святилищем Менелайон, где в архаичный период отправлялся культ Менелая и Елены.

Менелай, копия с изваяния 4 в до н. э.

Будущие спартанцы в дорийском нашествии – та часть завоевателей Пелопоннеса, которая шла впереди, сметая микенские города и умело штурмуя их мощные стены. Это была сама воинственная часть войска, которая продвинулась дальше всех, преследуя врага и оставляя позади тех, кто удовлетворился достигнутыми результатами. Быть может, именно поэтому в

Спарте (сама дальняя точка континентального завоевания, после которой оставалось покорять только острова) была установлена военная демократия – здесь традиции народа-войска имели самые прочные основания. И здесь же напор завоевания был исчерпан: армия дорийцев сильно поредела, они составляли меньшинство населения в самых южных землях Эллады. Именно это обусловило как многонародный состав жителей Спарты, так и обособленность властвующего этноса спартиатов. Спартиаты властвовали, а процесс культурного развития продолжали подвластные – свободные жители периферии спартанского влияния (периеки) и приписанные к земле илоты, обязанные содержать спартиатов как защищающую их военную силу. Культурные запросы воинов-спартиатов и торговцев-периеков причудливо смешались, создав немало загадок для современных исследователей.

Откуда же взялись дорийские завоеватели? Что это были за народы? И как они пережили три «темных» века? Положим, что связь будущих спартанцев с Троянской войной, достоверна. Но при этом роли по сравнению с сюжетом Гомера меняются местами: спартанцы-троянцы разгромили спартанцев-ахейцев в карательном походе. Да и остались в Элладе навсегда. Ахейцы и троянцы после этого жили бок о бок, переживая тяжелые времена «темных веков», смешивая свои культы и героические мифы. В конце концов, поражения были забыты, а победа над Троей стала общим преданием.

Прообраз смешанного сообщества можно рассмотреть в соседней со Спартой Мессении, где так и не образовалось государственного центра, дворцов и городов. Мессенцы (и дорийцы, и завоеванные ими племена) жили в небольших селениях, не обнесенных оборонительными стенами. Во многом та же картина наблюдается и в архаической Спарте. Мессения 8–7 вв. до н. э. – слепок более ранней истории Спарты, возможно, дающий общую картину жизни Пелопоннеса в «темные века».

Так откуда же пришли спартанцы-троянцы? Если из Трои, то эпос Троянской войны со временем мог быть усвоен на новом месте поселения. В таком случае возникает вопрос, почему завоеватели не вернулись в свои земли, как это сделали жестокие ахейцы, разорившие Трою? Или почему они не построили новый город хотя бы в чем-то приближающийся к прежнему великолепию их столицы? Ведь микенские города ничуть не уступали Трое в высоте стен и размерах дворцов! Почему завоеватели предпочли забросить покоренные города-крепости?

Ответы на эти вопросы связаны с загадкой раскопанного Шлиманом города, который с античных времен был известен как Троя. Но совпадает ли эта «Троя» с гомеровской? Ведь имена городов переезжали и переезжают с места на место до сегодняшнего дня. Пришедший в упадок город может быть забыт, а его тезка может стать широко известным. У греков фракийскому городу и острову Фасос в Эгейском море соответствует Фасос в Африке, рядом с которым находился Милет – аналог более известного ионийского Милета. Идентичные названия городов присутствуют не только в древности, но и в современности.

Трое может быть приписан сюжет, связанный с другим городом. Например, в результате преувеличения значимости отдельного эпизода длительной войны или превознесения мало-значительной операции в ее финале.

Можно сказать наверняка, что описанная Гомером Троя – это не Троя Шлимана. Шлимановский город беден, незначителен по численности населения и в культурном отношении. Три «темных» века могли сыграть злую шутку с бывшими троянцами: они могли забыть, где размещалась их замечательная столица! Ведь присвоили же они себе победу над этим городом, поменявшись местами с победителями! А может быть, они еще несли в своей памяти смутные воспоминания о том, как сами стали хозяевами Трои, отняв ее у прежних владельцев.

Раскопки и реконструкция Трои.

Скорее всего, Троя Шлимана – промежуточная база троянцев, изгнанных из своей столицы в результате неизвестной нам войны. (Или же, напротив, хорошо известной нам от Гомера, но связанной вовсе не с Троей Шлимана.) Они принесли с собой имя и, возможно, даже завоевали этот город. Но жить в нем не смогли: слишком агрессивные соседи не позволили им спокойно вести хозяйство. Поэтому троянцы двинулись дальше, вступив, в союз с дорийскими племенами, пришедшими из Северного Причерноморья по привычному транзитному пути всех степных мигрантов, приходящих из далеких южноуральских и приалтайских степей.

Вопрос «где настоящая Троя?» на нынешнем уровне знаний неразрешим. Одна из гипотез состоит в том, что гомеровский эпос был принесен в Элладу теми, кто вспоминал в изустных преданиях о войнах вокруг Вавилона. Блеск Вавилона, действительно, может походить на блеск гомеровской Трои. Война Восточного Средиземноморья с Междуречьем – масштаб, действительно, достойный эпоса и многовековой памяти. Экспедиция кораблей, которая достигает бедной шлимановской Трои в три дня и воюет там десять лет – не может быть основой для героической поэмы, волновавшей греков много столетий.

Раскопки и реконструкция Вавилона.

Как мы увидим далее, связь Греции (прежде всего Спарты) с древним Востоком была чрезвычайно тесной.

Троянцы не воссоздали свою столицу на новом месте не только потому, что память о настоящей столице иссякла. Иссякли и силы завоевателей, которые терзали остатки микенской цивилизации многие десятилетия. Дорийцы, вероятно в массе своей ничего не хотели искать на Пелопоннесе. Им хватало других земель. Поэтому спартанцам пришлось одолевать местное сопротивление также постепенно, десятилетиями и даже столетиями. И держать строгий военный порядок, чтобы самим не быть завоеванными.

Микены: Львиные ворота, раскопки крепостных стен.

Почему троянцы не построили города? Хотя бы на месте одного из микенских городов? Потому что с ними не было строителей. В походе было только войско, которое не смогло вернуться. Потому что некуда было возвращаться. Троя пришла в упадок, завоевана, население рассеяно. На Пелопоннесе оказались остатки троянцев – войско и те, кто покинул разоренный город.

Будущие спартанцы удовлетворились бытом сельских жителей, которым более всего угрожали ближайшие соседи, а не новые нашествия. А троянские предания остались: они были единственным предметом гордости и воспоминанием о былой славе, основой культа героев, которому суждено было восстановиться – выйти из мифа в реальность в сражениях Мессенских, греко-персидских и Пелопонесских войн.

Если наша гипотеза верна, то население Спарты было разнообразным – более разнообразным, чем в Афинах и других греческих государствах. Но живущим раздельно – в соответствии с закрепившимся этносоциальным статусом.

Расселение народов в Древней Греции.

Можно предположить существование следующих групп:

а) спартиаты – люди с восточными («ассирийскими») чертами, родственные населению Междуречья (их образы мы видим преимущественно на вазописи) и представлявшие южно-арийские миграции;

б) дорийцы – люди с нордическими чертами, представители северного потока арийских миграций (их черты воплотились в основном в скульптурных изваяниях богов и героев классического периода греческого искусства);

в) ахейцы-завоеватели, а также микенцы, мессенцы – потомки коренного населения, в незапамятные времена переселившегося сюда с севера, частично представленные также уплощенными лицами далеких степных народов (например, знаменитые микенские маски из «дворца Агамемнона» представляют два типа лиц – «узкоглазые» и «лупоглазые»);

г) семиты, минойцы – представители ближневосточных племен, распространившие свое влияние по побережью и островам Эгейского моря.

Все эти типы можно наблюдать в изобразительном искусстве спартанской архаики.

В соответствии с привычной картиной, которую дают школьные учебники, хочется видеть Древнюю Грецию однородной – заселенной греками. Но это неоправданное упрощение.

Кроме родственных племен, которые в разное время заселяли Элладу и получили название «греки», здесь было множество других племен. Например, остров Крит населялся автохтонами, находящимися под властью дорийцев, Пелопоннес также был заселен в основном автохтонным населением. Наверняка илоты и периеки к дорийским племенам имели очень отдаленное отношение. Поэтому можно говорить лишь об относительном родстве греческих племен и об их различии, зафиксированном разнообразными наречиями, иногда крайне сложными для понимания жителями крупных торговых центров, где формировался общегреческий язык.

Спарты и спартанцы

Происхождение названия «Спарта» достоверно не установлено. Между тем древнегреческое значение слова Σπάρτα (Спарта) очень близко к понятию «род человеческий» – *σπαρτῶν γένος*. Как и у многих древних племен самоназвание означало просто «люди». Другое близкое понятие *οἱ σπαρτοί* – сыны земли, казалось бы, говорит о сельском характере труда спартанцев. Смущает исследователей значение *σπαρτός* – посеянный, выросший из земли. Данное значение дало название фиванским родам Σπартός – «посеянными», выросшим из зубов дракона, а вовсе не из зерен, которые рассеивают сельские труженики.

Некоторые современные историки предлагают не путать спартов со спартанцами. Действительно, фиванские мифы возводят родословные своих героев к спартам, а о спартанцах как потомках спартов мы не знаем ничего. Из рода спартов происходили и реальные исторические персонажи – полководец фиванцев Эпаминонд. Плутарх также упоминает Пифона Фисбийского из рода спартов. Эта скудная информация, мало чего доказывает. Необходимо признать, что мы вообще мало знаем о греческой архаике, а тем более – о предшествовавших «темных веках».

Мифология дает нам расшифровку исторического сюжета – возможность создать приемлемую версию истории, которая в достоверных свидетельствах нам не известна. Сын финикийского царя Агенора, внук Посейдона Кадм победил некое чудовище, созданное Аресом – богом войны. Посеянные зубы дракона взошли в виде людей, которые сразу были облачены в панцири и вооружены. Но эти «сеянные» затеяли меж собой схватку, и выжили из них всего пять человек. На «земляное» происхождение указывают имена оставшихся – Хтоний (земляной человек), Удей (подземный человек), Пелор (великан), Гиперион (сверхмощный), Эхион (человек-змея). Последний явно связан с чудовищем-драконом, с которым когда-то пришлось разделаться Кадму. Не случайно, чтобы закрепить свою победу Кадм выдал за него свою дочь Агаву. Выжившие «спарты» стали охраной Кадма.

Характерно испытание Кадма. После похищения Зевсом его сестры Европы, Кадм и его братья были отправлены отцом на поиски, но рассеялись по свету, так и не найдя ее. Они «рассеялись» – то есть, тоже были «спартами». Скорее всего, название «спарты» для «выросших из земли» было связано не с этим фантастическим сюжетом, а со службой у Кадма, который был «сеянным» – командированным своим отцом.

В своих поисках Кадм набрел на Оракул Аполлона (может быть, Дельфы – спартанскую святыню), где получил указание «ходить за коровой» (то есть, за Герой, богиней-коровой, супругой-сестрой Зевса) пока она не ляжет (это продолжение мотива поиска сестры-Европы, украденной Зевсом, обернувшимся быком). Там Кадм, победив дракона Ареса (дракон – земное, хтоническое существо), в наказание был 8 лет в услужении у бога войны, а потом основал город Фивы. Получив от Зевса дочь Ареса Гармонию, Кадм стал царем. Затем, то ли по нуждам войны, то ли в результате изгнания переселился в Иллирию, где и царствовал. Но горевал оттого, что его дочери и сын погибли – Ино не угодила Гере за то, что вскормила Диониса, а Актеон не поладил с Артемидой, убив ее священную лань. Кадм с женой были изгнаны из Фив, а по мифу – превращены богами сначала в змеев (то есть, обращены в землю), а потом в горы Иллирии.

Иногда миф о «спартах» трактуют, предполагая, что побежденные были «рассеяны» Кадмом по окрестностям – попросту разбежались. И их потомки, якобы, приобрели постыдное прозвище «рассеянные» – «спарты». Другая трактовка, напротив, гласит, что Кадм собрал рассеянных людей, которые постоянно воевали меж собой. И остались только пять племен во главе со своими вождями. Вторая версия выглядит более правдоподобно. Так или иначе, Кадм был пришлым царем местных земледельцев с их хтоническими культами. Был он «спартом», его

союзники звались «спартами» – то есть, проще говоря, колонистами. И насаждал иные культы, убив дракона. Но без особого успеха – его самого «обратили в дракона», древние культы оказались сильнее «спартов».

Скорее всего, Кадм – реальный персонаж. Имя Кадма упоминается в письме микенского правителя хеттскому владыке (ок. 1250 года до н. э.) по поводу владения группой островов, завоеванных в прошлом Кадмом. Этимология имени относится к финикийскому «древний» или «восточный».

Если отбросить мифологический пафос, то получится, что сыновья-воеводы финикийского царя отправились в разные страны воевать и служить. Кадм оказался в Фивах, в стране земледельцев. Там он долгое время служил, а потом унаследовал власть, женившись на дочери царя. Другие его братья-«спарты» стали царями в Малой Азии и Африке. Может быть, кому-то из не известных нам завоевателей достался Пелопоннес, и там образовалась Спарта. Другой вариант: воеводы Кадма отправились на Пелопоннес, но возвращаться им было некуда – Кадм был свергнут и бежал в Иллирик. Также можно трактовать «спартов» как «выросших как из-под земли», то есть, объявившихся внезапно. Завоеватели нахлынули внезапно и стали правителями. Их стремительность была сопоставлена с древней легендой о выросших из земли богатырях – из посеянных зубов дракона. Собственно, финикийские колонисты были не менее проворны и вездесущи, чем впоследствии колонисты Афин и других греческих городов.

«Рассеянным» в ареале экспансии отрядов царя Агенора мы встречаем и сакральное пространство. Светлые олимпийские боги создали резиденцию на Олимпе – трехгорбой вершине на севере Греции, подавив при этом порождение Земли – титанов – и уничтожив хтонических драконов, божеств древнейшей догреческой и даже домикенской цивилизации. При этом гора Олимп находится вовсе не в центре греческой цивилизации, а на границе Фессалии и Македонии. Были также свои Олимпы и в Малой Азии (Ликия и Мизия), на Крите (два Олимпа, одна из гор выше Фессалийской), на юге Греции – в Лаконике и Аркадии, на западе – в Элиде близ святилища Олимпия, где проводились Олимпийские игры. Олимп – название догреческое, но получившее священный статус только в греческие времена, когда фессалийский Олимп стал обиталищем богов пришлых народов. Скорее всего, «олимп» означает «небеса» и «поднебесные горы». Греки, образовав на месте древней цивилизации свою собственную, заселили эти горы своими светлыми антропоморфными богами.

Аполлон, руководивший действиями Кадма и предопределивший его судьбу, в крито-микенских текстах не встречается. Если считать датировку упоминания Кадма как реального исторического персонажа, то речь идет о южноарийской миграции, и тогда культ Аполлона, да и всех олимпийских богов – арийский и скотоводческий. Родина матери Аполлона – Гиперборея, куда он, согласно мифу, улетает осенью. Вероятно, через это родство мы имеем указание на участие в заселении Пелопоннеса также и северо-арийских мигрантов. И в то же время культ Аполлона многосложен, мифологические сюжеты уже античных авторов понуждали говорить, что «аполлонов» в мифах то ли четыре, то ли шесть.

Аполлон, сын Зевса и Лето, гипербореец и совсем не земледelec. Он в греческой мифологии – хранитель стад и победитель Пифона (Дельфина) – хтонического чудовища. За убийство Пифона он был оправлен Зевсом пасти стада фессалийского царя те же восемь лет (божественный год), что и Кадм. Кадм по мифу аналогичен Аполлону – он представитель не земледельческой, а скотоводческой цивилизации. Побежденные им земледельцы Фив не были ему родственниками, и его изгнание было логичным. Иное дело, что после него и его соплеменников остались «спарты» – отдельные родовые ветви, восходящие к пришлому, а потом изгнанному правителю.

Греческая мифология отчетливо указывает на две большие общины – земледельческую и скотоводческую, которые имели разных богов, лишь отчасти умиротворенных в мифологических сюжетах классического периода, где побежденным хтоническим богам оставлена доста-

точно веская роль. «Спарты», очевидно, – носители аполлонического культа. Сестра-близнец Аполлона – Артемида – становится одной из самых почитаемых богинь Спарты.

Дорийцы против ахейцев

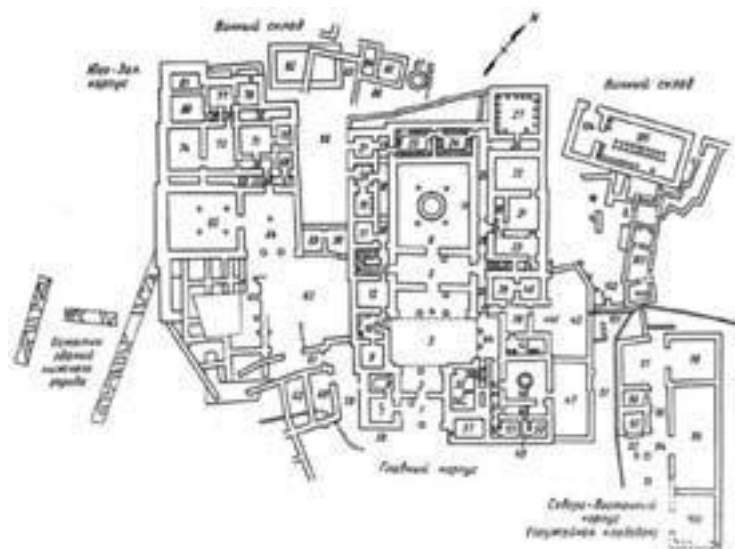
Множество конфликтов древнегреческой истории заложено в тайне ее начала – в дорийском завоевании. Почему так сильны были дорийские племена, почему они столь легко заняли пространство, освоенное ахейцами – победителями Трои?

Гомер в своем эпосе перечисляет множество городов Лаконии, каждым из которых правил свой царь, но троянская экспедиция прошла под началом «спартанского» царя Менелая, на какое-то время объединившего ахейские племена. Позднее Лакония также будет «страной городов» – в ней будет более сотни городских поселений. Куда же подевалась доблесть ахейцев, каждый город которых снарядил несколько кораблей (всего, согласно Гомеру более тысячи кораблей, но это явно завышенная цифра) и отряд для покорения Трои? Археологи нашли следы городов ахейцев, окруженные оборонительными стенами. Позднее спартанцы откажутся от строительства стен, считая, что лучшая защита спартанских городов – воины. Вероятно, они знали цену стен Трои, разрушенных землетрясениями и предпочитали не испытывать на себе гнева богов. Возможно, они помнили не только землетрясение, подорвавшее могущество Трои (стены шлимановской Трои были сильно повреждены землетрясением), но и подобные катаклизмы, подорвавшие могущество Микен. Спарта также испытывала на себе удары землетрясений, которые заметно влияли на ее историю.

Не только Лакония, занятая спартиатами, была до дорийского нашествия (в микенскую эпоху) густонаселенной страной. Крупными городами были Пилос в Мессении, Фивы в Беотии, Тиринф в Арголиде. От этой эпохи остались лишь гомеровские поэмы, микенские черепки да воспоминание о божественном быке – критском Минотавре. Вместе с людьми в войне цивилизаций сталкивались и боги – звероморфные боги ахейцев были побеждены антропоморфными богами дорийцев. Но прежние боги были включены в эпос – без них герои не получили бы достойных соперников и не превратились бы в богов. Например, Персей не нашел бы Медузы с головой, увенчанной змеями (при раскопках Амикл в Лаконии найдена статуя богини микенского периода с головой, оплетенной змеями, – аналог критского изваяния).

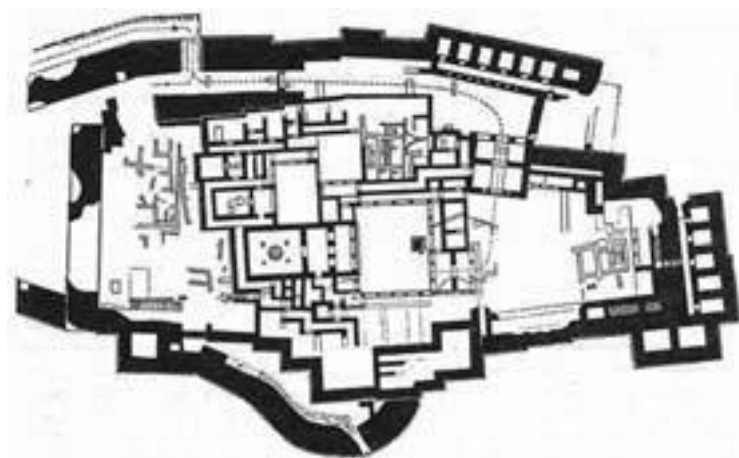
Раскопки дворца в Пилосе.

План дворца в Пилосе, 13 в. до н. э.

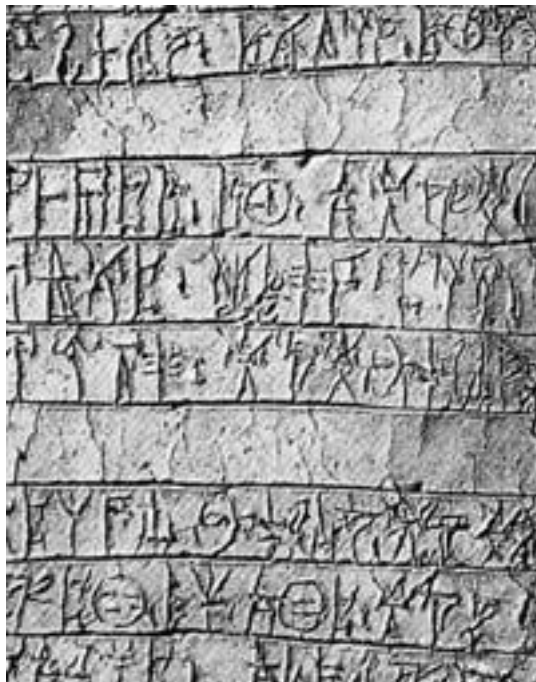
Крепостная стена в Тиринфе.

План дворца в Тиринфе.

Если от XV века до н. э. сохранились микенские гробницы с богатыми дарами и изящным оружием, то в XI веке до н. э. от прежней роскоши не осталось и следа. Была утрачена даже

письменность. Лишь потом она возродилась, но уже не на базе слогового письма, а на базе алфавита. Как возможен был кризис сразу после триумфального захвата Трои?

Образец линейного письма из Пилоса. Напоминает изображения геометрического периода вазописи. Возможно, утраченная письменность оставила свой след в ранней вазописи.

Еще один вопрос, на который нужно дать ответ. Что искали дорийцы на Пелопоннесе – в земле неуютной, испепеленной жарой, небогатой для ведения земледелия и лишенной просторных пастбищ для скота? Почему им, кочевникам-скотоводам, понадобилось пройти без остановки более пригодные для жизни северные территории?

Уже сама постановка этих вопросов высвечивает неочевидную, но весьма вероятную причинную связь между Троянской войной и дорийским нашествием. Она прослеживается как во времени, так и в пространстве. Близость по времени двух событий и общее для ахейцев и дорийцев пространство Пелопоннеса побуждают выдвинуть гипотезу о причинной связи: экспансия дорийцев была ответом на взятие и разрушение Трои.

Богатства разграбленной Трои, вероятно, стали поводом для раздоров и войн среди победителей, а затем слабость ахейцев спровоцировала нашествие племен, знавших о сокровищах Трои и, возможно, возглавляемых потомками спасшейся троянской знати. Не случайно столица спартанцев возникла в землях, некогда управляемых вождем антитроянской коалиции Менелаем. Завоеватели разрушили города ахейцев с той же жестокостью, с которой была разрушена Троя.

Завоевание Пелопоннеса было не столь стремительным, как кажется через три десятка веков. Первоначально спартиаты, представлявшие союз трех племен (на основе их затем образуются территориальные общности – филы): диманы, памфилы, гиллеи. Они захватили северную часть долины реки Эврот, расположенную между двумя горными массивами. Ахейцы постепенно превратились в илотов – крепостных сельских тружеников. Ахейская знать не смогла оказать сопротивления нашествию и, возможно, вела разорительные междоусобицы (как впоследствии сильные и богатые этрусские города, так и не сплотившиеся в коалицию, не смогли остановить римлян). Остатки отрядов ахейцев, укрывшиеся в горах, постепенно получили статус периеков («живущих вокруг») – формально свободных, но лишенных права участвовать в управлении страной и народных собраниях.

Завершение завоевания долины Эвроты стало возможным только после взятия древней крепости Амиклы в первой половине VIII века до н. э. Теперь новая знать, поддержанная местным населением, уставшим от войн и разорения от теперь разбежавшихся покорителей Трои, смогла установить здесь свои порядки – начался процесс этнообразования. Базой спартиатов так и остался север Лаконии, где их городами стали прежние военные лагеря. Юг страны населяли периеки, обложенные данью, и илоты, арендующие земельные наделы.

Аналогичным образом события развивались в Фессалии, Арголиде, на Крите, в других странах Греции. Греция и сама была лишь страной, но не государством. Государствами становились общности, занявшие ландшафтные ниши, пригодные для хозяйственной жизни и отделенные от соседей естественными преградами. Десятилетия и столетия обособленного существования превращали некогда единый народ в родственные, но разные народы. Ландшафт диктовал дорийцам ту же историю, которую до них здесь же прошли ахейцы.

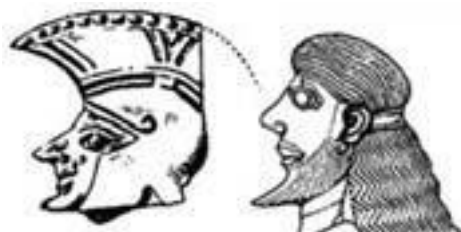
Сближает спартиатов с троянцами множество признаков. Спарта унаследовала от Трои гражданина-патриота, воина-солдата. Спартанцы имели внешний вид, продиктованный традицией – длинные волосы и длинная борода без усов. Такой облик имели народы Малой Азии, в частности, ассирийцы. Как и ассирийских царей, спартанцы хоронили своих царей в медовых ваннах, препятствующих тлению. Спартанцы, как и троянцы, не имели большого желания совершать морские путешествия и завоевания. Троянцы не создали флота, способного отразить нашествие ахейцев, а спартанцы основали лишь одну заморскую колонию – Тарент.

Характерен облик спартанцев, отличающий их от классических греков, запечатленных в скульптурных формах. Маски и бронзовые фигурки спартанцев иногда демонстрируют своеобразное строение лица – крупный нос и рельефный профиль. «Классические» греки (идеализированные скульптурные образы) имели более изящный и прямой нос, менее выраженное выступание надбровий. Это обстоятельство побудило некоторых исследователей предполагать семитское происхождение спартанцев, что не подтверждается никакими доводами. Подобные же абсурдные умозаключения должны были бы выводить некоторые племена американских индейцев также от семитов.

Культ Аполлона, принесенный дорийцами на Пелопоннес, надежно фиксируется как троянский. Даже сами стены Трои считались возведенными Аполлоном. Далее вглубь Азии этот культ прослеживается в ассиро-вавилонской цивилизации, а еще ранее – у хеттов, где один из богов именуется Апулунас. На древность культа указывает его символ – привратный кумир в виде суженного кверху столба. Лишь со временем дорийские греки начали снабжать столб антропоморфными (иногда – звероморфными) деталями – ступнями, кистями рук, изображением головы или лица.

Многоликий народ

Антропологические черты жителей Спарты установить непросто. Легко впасть в ошибку, не замечая особенностей производства миниатюр, на которых черты человеческого лица искажаются – преувеличиваются глаза и нос. Однако имеются явные указания на полиэтнический состав населения Спарты.

Мужские профили на спартанских миниатюрах 7 в. до н. э.

Плоские изображения в профиль носаты, но достоверно отличаются от семитических – чаще всего нос и лоб образуют одну линию, при этом крылья носа выступают слабо и массивность носа невелика. Это общая черта спартанских, ассирийских, этрусских изображений. Логично предположить, что в данном случае мы имеем дело с «троянским» или «ассирийским» типом – основным для спартиатов и совпадающим с «каноническим» типом в сюжетах Троянской войны. Но за длительное время жизни бок о бок с носителями иных антропологических признаков, в различных слоях спартанского общества антропологические типы должны были частично смешаться. Это мы можем видеть по лицам курсов, которые не принадлежат к одному типу. Тем не менее, восточный тип сохранился в изобразительном искусстве в основном без изменений (прежде всего, в вазописи).

Среди спартанских изображений имеется тип лица, более гармоничный, чем почти карикатурный «семитский» и носатый «ассирийский». Подобные лица несколько скуласты и чем-то напоминают славянский тип. На то, что мы имеем дело не с архаичными изображениями, а с произведениями, сделанными с натуры, указывают различные признаки – фигура бегуны или усатое лицо спартанца, явно нарушающее традицию «безусости», о которой известно из многих источников и т. д.

Портретные образы спартанцев.

Уплощенные лица чаще всего встречаются в дедалическом стиле (по имени легендарного мастера Дедала), который схож для Спарты и для Этрурии. Можно предположить, что этот тип произошел из одного источника миграций или принадлежит племенам, соседствующим в микенскую эпоху.

Спартанские лица этого типа, в сравнении с этрусскими, имеют более узкий подбородок, но в целом столь же массивны. Массивные очертания лица часто встречаются у спартанских резчиков по кости, что может свидетельствовать о глубокой древности такого типа.

Столпообразные изображения из Этрурии и из Греции демонстрируют один и тот же просительный жест открытой ладонью. Вторая ладонь сжата в кулаке. Такие совпадения не могут считаться случайными и говорят об общем культурном (а возможно и религиозном) стереотипе. Мы снова вынуждены вместе с предположением об «экспортном» происхождении этого сходства считать возможным и этническое родство. Возможный его источник – египетские сюжеты, в которых фараон в одной руке держал чашу, в другой – посох.

Верхний ряд – дедалические изображения Спарты, нижний – Этрурии.

Спартанская и этруская фигурки, 7–6 в. до н. э., справа – «греческая девушка», середина 7 в. до н. э.

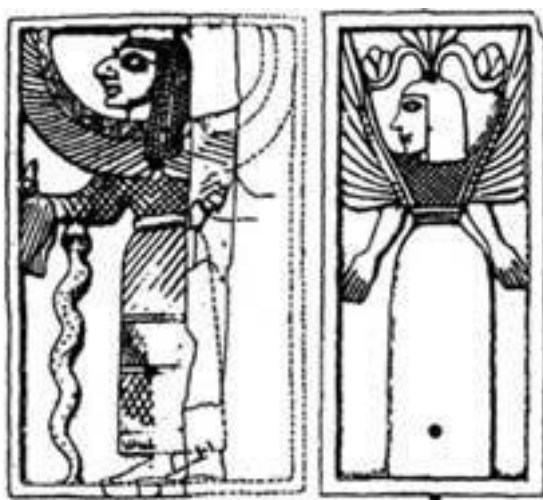
Во множестве предметов мы видим теснейшую связь между Спартой и Этрурией. Добавим еще один пример – очевидно «каноническое» изображение Медузы Горгоны, повторенное и в других греческих предметах искусства.

Слева – спартанская костяная плакетка (7 в. до н. э.), справа – фрагмент этрусской бронзовой колесницы (6 в. до н. э.).

Заметим на этрусском изображении «ассирийский» нос и бороду «клином» – стандартизированное изображение, очень часто встречающееся на греческих миниатюрах, и широко представленное в вазописи. «Нордические» лица, ставшие стандартом для афинской скульптуры несколько позднее, отражают, скорее всего, некий общегреческий идеал. Скульпторы, реагируя на массовый спрос, реализовали чаяния заказчиков именно в таких образах – отстраненных от архаичных изображений божеств и приближенных к чертам большинства афинян. Возможно, образцом стал дорийский тип лица, невольно противопоставленный «ассирийскому» типу спартиатов.

Изображения главного божества спартанцев Артемиды Орфии носят черты явно различных антропологических групп. На представленных образцах одно лицо очевидно «среднегреческое», другое – с очевидными семитскими признаками. Заметим здесь же среди атрибутов змею – явный признак восточного культурного «транзита» с Востока.

Артемиды Орфия. Спартанские резные плакетки.

Мы можем сравнить очертания лица одной из Орфий и «лысого сфинкса», убеждаясь, что имеем дело с устойчивой формой. Семитическое лицо явно отлично от прочих образов

Орфии. Вероятно, каждая община заказывала мастерам свои изображения или мастера принадлежали к разным общинам.

Спартанские изображения «семитского» типа. Справа – образ того же типа с этрусской фрески.

К спартанским изображениям семитского типа прибавим аналогичное из этрусских росписей. Оно нетипично в сравнении с прочими изображенными в настенной живописи лицами, можно сказать, уникально. Что свидетельствует о присутствии семитского типа в населении Этрурии в малом, но все же ощутимом количестве.

Проследить происхождение семитического населения Спарты мы можем, сравнивая более совершенные образцы, отражающие антропологические черты в объеме.

Вавилон (21–17 в. до н. э.), Спарта (7 в до н. э.), Этрурия (конец 6 в. до н. э.).

Сходство изображений более чем очевидно – по способу изображения глаз, широким крыльям носа, архаической улыбке тонких губ.

В Лаконии, скорее всего, уплощенный и «семитский» тип лица сохранился со времен крито-микенской культуры. Исследователи отмечали, что золотые микенские маски делятся на два типа – «узкоглазый» и «лупоглазый». При низком качестве этих изделий и дополнительных подтверждающих фактов утверждать наверняка, что это отражает наличие двух общин (или двух династий), не следует. Но такое предположение имеет право на существование в качестве гипотезы.

Удивительны совпадения черт лица микенской «маски Агамемнона» с чертами значительно более поздних (как считается) и примитивных приалтайских каменных изваяний. Те же припухлые веки, прямой нос, завитыеверху усы и даже редкая борода под нижней губой.

Исследование микенских черепов и реконструкции по ним облика доспартанского населения Пелопоннеса указывает на достаточно широкое распространение лиц с уплощенными чертами лица.

«Маска Агамемнона» (16 в до н. э., микенская эпоха) и алтайские каменные изваяния (предположительно 6–8 вв., Тюркский каганат).

Из анализа изображений мы можем подтвердить гипотезу о том, что архаическая Спарта была многообщинным государством. Мы видим лица уплощенного типа с широкими скулами, лица ассирийского типа и лица семитического типа. Большинство изображений воинов и легендарных героев можно отнести к «ассирийцам» или «плосколицым», и лишь незначительная часть изображений (но с высокой степенью достоверности) относится к семитскому типу, который, возможно, вышел из Вавилона и появился в Греции через минойскую и крито-микенскую культуры. Плосколицый тип, вероятно, связан с древними мигрантами с севера, от которых сохранился уплощенный скуластый тип лица. Он мог быть связан с микенской культурой и условно назван «ахейским». «Ассирийский» тип имеет восточное происхождение и присущ спартиатам – потомкам воинов-троянцев.

Классический период греческого искусства дал огромное количество изображений, которые демонстрировали умеренно-плоский тип лица с умеренным выступанием носа – гармонизированное усреднение «ассирийского» и «плосколицего» типов. Вряд ли можно вести речь о смешении типов. Скорее в данном случае возникает устоявшийся культурный стандарт красоты, приближенный к дорийскому типу. Не случайно греки считали особенно красивыми лица скифов, возможных потомков все тех же дорийцев. При этом видеть красоту скифского типа лица грекам не мешало отнесение скифов к варварам и презрение к их обычаям. Вероятнее всего, эстетический восторг вызывал царский тип (возможно, так называемые «царские скифы»), а не общая масса кочевого населения Причерноморья.

Изображения людей в древней культуре лишь отчасти повторяет облик населения, породившего эту культуру. Зачастую мастера пользуются образцами иной культуры и повторяют их в более или менее удачных копиях. Скорее всего, в Спарте повторялись ассирийские или микенские образцы – соответственно «носатые» и «плосколицые» (а отчасти – и семитские). Наличие в Спарте неспартанских образов обусловлено тем, что мастерами в тот период были периеки и илоты – местное население, этнически отличное от дорийцев и от спартиатов-троянцев. Дорийцы в дальнейшем стали натурой классического периода – по их подобию создавались скульптуры богов. А вот вазопись сохранила архаический тип спартиата, поскольку уплощение лица в миниатюрных образах лишало их выразительности.

Этруски раскрывают тайну

Этрурия неоправданно исключена из Греческого мира и рассматривается историками обособленно. Хотя исследователи признают огромное влияние Эллады на искусство Этрурии и Южной Италии. Тем не менее, присутствие в Этрурии образцов греческого искусства рассматривается почти всегда как заимствование. Хронологические оценки и индивидуальные особенности искусства этрусков говорят о другом: Этрурия была неотъемлемой частью культурного ареала Восточного Средиземноморья. Скорее всего, не только играя собственную роль в его становлении и развитии, но также и будучи населенной народами, очень близкими к тем, которые населяли Элладу.

- *Этруская погребальная урна, 8 в. до н. э.*
- *Аттическая ваза 8–9 вв. до н. э.*
- *Фрагмент росписи аттической вазы, 6 в. до н. э.*
- *Табличка из Пилоса (микенские времена). Исследователи опрометчиво считают, что на ней изображена схема лабиринта.*
- *Изображение на шлеме фригийского типа из Геркуланума, 4 в до н. э.*

Примером общего применения священной символики служат свастики на ритуальных и бытовых сосудах. В Трое были найдены терракотовые шарики со свастиками. Свастика использовалась в Этрурии и Элладе архаичного периода.

На росписях ваз попадает даже такой вариант свастики, который до сегодняшнего дня распространен в Индии – свастика с точками в каждом квадранте. Заметим, что тут же присутствует возничий колесницы с теми же чертами, что и на этрусской бронзовой колеснице. Присутствие в сюжете еще и головы Медузы говорит о том, что возничий – конкретный персонаж с присущими ему особенностями. Щит со свастикой, скорее всего, принадлежит троянцу.

Поразительно сходство захоронений микенской культуры и этрусских захоронений – склеп в глубине холма с вымощенной дорогой между двух стен.

Склеп микенского типа и склеп этрусского типа.

Мы приведем еще один пример связи Этрурии и Эллады, важный для дешифровки одной из загадок Спарты: мифологического сюжета, который относится к Орфии – верховной (а, скорее всего, и единственной) богине спартанского пантеона.

Один и тот же персонаж мы видим на живописных работах греков и этрусков. Этрусская роспись демонстрирует некую фигуру человека. Одни исследователи называют его «бегущий перс», другие – танцующий «человек в маске». Но на амфоре архаического периода присутствует тот же «перс», что и на этрусской фреске, отнесенной учеными к несколько более позднему периоду. Здесь эта фигура пристроена к конской «филейной части» и образует вместе с ней кентавра. Оба изображения подчеркивают один и тот же тип: длинная борода без усов, мощное телосложение, пританцовывающая поза.

- *Протоаттическая керамика, 7 в до н. э.*
- *Этрусская фреска «бегущий перс», 6 в. до н. э.*
- *Коринфская алебастровая ваза, изображающая Бореада, 7–6 вв. до н. э.*

Загадка «персо-кентавра» раскрывается на коринфской алебастровой вазе, где подобный персонаж определен как Бореад – один из сыновей бога северного ветра Борея. Та же длинная борода при отсутствии усов, то же мощное телосложение, та же динамичная поза. Но добавлены крылья специфически-архаической формы: закрученные на концах в спираль. Более поздние аттические изображения Борея и Бореадов имели уже другую форму крыльев, повторяющую крылья птицы.

Качество все трех изображений не позволяет говорить о заимствовании. Каждое произведение своеобразно, отмечено собственной динамикой. Можно сказать, что общий мифологический мотив в равной мере охватывает Элладу и Этрурию.

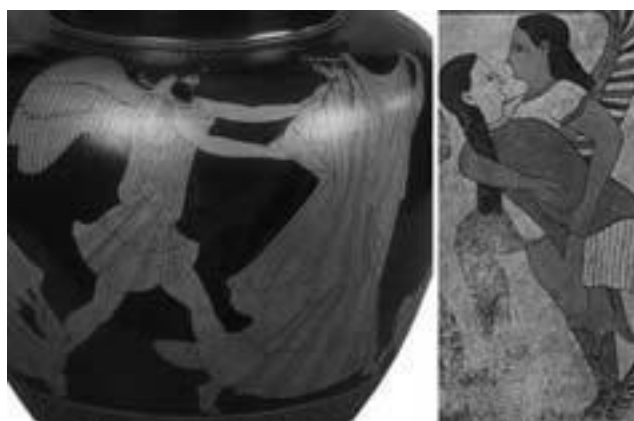
Борей связан с силами природы, что говорит об архаическом происхождении этого божества. Он изображается крылатым, длинноволосым, бородатым. Возможно, не всегда крылатым. Царство Борея – Фракия, холодная и темная страна. Миф о Борее повествует о похищении им Орифии, дочери афинского царя Эрехфея. Орифия и Орфия – можно считать, что речь идет

об одном и том же имени, об одном и том же персонаже, переселившимся из реальности в миф. Завоеватель с севера похитил царевну, и она вернулась на родину в образе крылатого божества.

Более известный исторический сюжет связан с похищением жены спартанского героя Менелая Еленой, увезенной за море троянцем Парисом. В судьбе Менелая повторяется мотив из истории Кадма – после изгнания из Микен женитьба на дочери спартанского царя, наследование трона после его смерти, скитания (8 лет по морю после Троянской войны). В судьбе Елены было также еще одно, менее известное похищение – в 12 лет ее похитил аттический герой Тесей. Причем прямо из храма Артемиды Орфии. Одна из версий мифа предполагает рождение в результате этого похищения Ифигении, которая становится жрицей Артемиды у тавров – также далеко от родины. Еще одна версия мифа о похищении Елены говорит о том, что она и вовсе не была похищена, а уехала в Египет. Не случайно именно в Египет долгие странствия занесли Менелая, где он «женится на египетской принцессе». Во множестве версий мифа о Елене присутствует мотив похищения и возвращения.

Аналог истории с участием Бореадов присутствует в сюжете, где ее возвращение после похищения Тесеем обеспечивается ее братьями – Кастором и Полидевком. Сами братья похищали своих невест в Мессении. Братья почитались спартамцами как сыновья Зевса и считались рожденными (вместе с Еленой) из яйца, поскольку их матери Леде Зевс явился в виде лебедя. «Крылатость» братьев и сестры в этом сюжете выглядит вполне возможной. Заметим, что все эти сюжеты могут быть связаны вовсе не с известной нам Спартой, а некоей древней родиной спартанцев. Вполне может быть связано с этим основание отдаленной греческой колонии Диаскуриада (ныне – Сухум).

На аттических вазах Борей и Бореады изображаются с крыльями не только за спиной, но и на ногах. Те же признаки мы видим в этрусской настенной живописи, но при этом Боред превращается в демона, уносящего тело умершей в загробный мир, его крылья приобретают архаическую форму, а лицо лишается бороды. Архаическая форма крыльев у Бореадов на фреске говорит о том, что этрусский сюжет имеет более раннее происхождение. Диоскуры также связаны с царством мертвых, где они пребывают через день, разделив дар бессмертия пополам. Мы вправе видеть в этрусской фреске одну из версий сюжета о похищении Орифии. Также может быть замечена связь между Диоскурами и Орфией. Братья – боги рассвета и сумерек (момента их переселения из подземного царства на Олимп и обратно), Орфия также присутствует при смене дня и ночи.

Похищение Орифеи, аттическая вазопись, 6 в. до н. э. Демон уносит умершую, этруская фреска, 7 в. до н. э.

Крылатые сандалии, которые мы видим у Бореадов, – атрибут более позднего античного божества – Гермеса-Меркурия. Имеющий общую мифологию бог Эллады и Этрурии в конце

концов приобрел общий образ в античной скульптуре. Позднее Меркурий приобрел крылышки на лбу или крылатую шапку (вариант – шапку с прорезями для крыльев).

Орифия-Орфия в греческой мифологии, несмотря на происхождение из Афин, вовсе не стремится помогать своим единоплеменникам. Ее сыновья также не способствуют подвигам греческих героев. В мифе об аргонавтах Бореады враждебны греческому герою Гераклу. За то, что они убедили аргонавтов не ждать Геракла, тот убил их. По другой версии мифа Бореады были убиты за то, что они победили Геракла в состязаниях в беге (пользуясь «крылатостью» своих ног). Диоскуры тоже присутствуют в мифе об аргонавтах, и также как участники экспедиции, которые, бывало, вступали с Гераклом в единоборство, но без трагических последствий.

Сыновья северного правителя, похитившего Орфию, не могли стать для Афин дружественными божествами. И сама Орифия (Орития) для греков оказалась недружественной: она вооружила царицу амазонок Пентесилею, которая в Троянской войне пришла на помощь Приаму. Победив многих врагов, Пентесилея была убита Ахиллом. Орифия признавалась греками одной из цариц амазонок, союзницей скифского царя.

Троянский мотив в истории с Бореадами более чем очевиден. Этот мотив продолжен в творчестве этрусков. Считается, что на саркофаге и на росписях гробницы изображены сцены убийства троянских пленников. При сем присутствуют божества. В первом случае – крылатые Бореады, которые в этрусской мифологии были связаны с какими-то неизвестными нам сюжетами. Во втором случае при казни присутствует крылатая богиня Ванф, связанная с загробным миром, которая явно сочувствует побежденным, и синелиций Харун (Харон), – этрусский демон смерти – с ярко выраженными семитическими чертами. Такое впечатление, что он ждет от Ванф сигнала, что жертву можно добить молотом, прекратив ее страдания, и забрать в царство мертвых.

На этрусских росписях гробниц присутствует ряд сюжетов, в которых греки сталкиваются с амазонками. Сочувствие художника скорее на стороне греков.

Суммируя два мифологических пласта, можем считать Орфию – богиней, отвечающей за переселение в загробный мир. Если у греков Аид – находится на крайнем западе (Геродот), то холодное и темное царство Борея тоже похоже на царство мертвых. Туда же попадает и Орфия. При этом она сочувственна к троянцам – предкам спартиатов, которым помогает через амазонок. Борей и Бореады также на стороне троянцев.

Этрусские барельеф и этрусская фреска с образами крылатых божеств и сценами казни.

К этим сюжетам примыкает также образ греческой богини зари Эос (Авроры), которая, как и Орфия, крылата и также выступала на стороне троянцев. Сюжет с похищением здесь обращается: Эос похищает Титона – полюбившегося ей сына троянского царя Приама – и уносит его на край неба и земли, а потом испрашивает для него у Зевса бессмертия. Но вечной

молодости он не обрел, а когда состарился, был превращен Зевсом в сверчка. Сын Эос и Титона – Мемнон, стал царем эфиопов, и во время войны пришел на помощь троянцам. Совершив много подвигов, он все-таки был убит копьем Ахилла.

Эос погребает Мемнона. Керамика, 5 в до н. э.

По трудно объяснимым причинам колоссы в египетских Фивах, возведенные Аменхотепом III (ок. XIV столетия до н. э.), считаются древнегреческими историками изваяниями Мемнона. Возможно, вследствие удивительного явления: после повреждения (от землетрясения или акта вандализма ок. 27 г. до н. э.) один из колоссов наполовину рассыпался и на рассвете стал издавать протяжный звук. Эос оживляла своего сына на мгновение с первыми лучами солнца. После попытки реставрации римским императором Септимием Севером (конец 2 в.), который приказал вернуть осыпавшиеся блоки на место, явление прекратилось.

С египетским пантеоном просматривается также связь через богиню Исиду, крылатый образ которой неизменно присутствует на саркофагах фараонов.

Мифологический брат-близнец Артемиды – Аполлон связывается с египетским богом Гором. Гор и Аполлон соединяются в египетском образе сокола. Герой Троянской войны спартанец Менелай по одному из преданий женился на египетской царевне, забыв о прекрасной Елене. Может быть, правда, эта «царевна» и была Еленой, оказавшейся вовсе не в Трое. Или же Троя – это вовсе не город, раскопанный Шлиманом, а один из египетских городов.

От страны к государству

Завоевание спартиатами долины Эвроты сопровождалось формированием сложной социальной иерархии. Вершину иерархии составляли немногочисленные граждане, живущие преимущественно в городе Спарта. Они проводили народное собрание, избирали властителей с различными полномочиями, смещали неудачливых царей. Они же составляли военное сословие – все дееспособные мужчины входили в состав войска, а военное воспитание начиналось с детского возраста. Ступенью ниже располагались свободные жители Лаконии – периеки («живущие вокруг»), не обладающие правами граждан. Еще ниже стояли илоты – местные жители, закрепленные за формально принадлежащими спартиатам земельными участками. Переход из одной группы в другую был практически невозможен.

С конца VIII века до н. э. Спарта переживает расцвет, который трудно объяснить, если отменить возможность восстановления некоей традиции. Спарта становится первым городом Эллады – городом поэзии и музыки, городом досуга и пышных праздников, обеспеченных трудом «податных сословий». Можно предположить, что все это – плод деятельности троянской знати, пронесшей через века свою традицию, а также результат возвращения богатств, некогда вывезенных из Трои.

Собственно дорийским был лишь праздник в честь Аполлона Карнейского, представлявший собой имитацию военных упражнений и жизни военного лагеря. Аполлон к тому времени уже стал антропоморфным богом, но его образ ассоциировался с овном и волком – скотоводческими атрибутами степи и лесостепи. В звероморфном пантеоне микенских греков имени Аполлона не было. В дорийской же диалекте имя этого бога звучало как *Apellon* – сходно с названием народного собрания *apellia*. В честь Аполлона дорийцы возводили колонны (гермы), увенчанные головой барана.

Спарта стала культурным центром всей Эллады. Здесь происходили состязания певцов и поэтов, создавались музыкальные школы, возникло хоровое искусство, развивалось искусство танца, шло интенсивное строительство, возводились выдающиеся архитектурные сооружения. В Спарту стекаются таланты и их поклонники. Спартанцы преуспевают также на Олимпийских играх. До середины VI века до н. э. Спарта – страна роскоши, муз и досуга.

Классическая Спарта возникает как государство в результате масштабного кризиса, в котором погибает прежняя роскошь и рождается Большой стиль. Прежние замашки завоевателей, почивающих на лаврах, Спарта оставляет другим государствам Эллады. Весь спартанский бомонд постепенно перемещается в Афины. А спартанцам не до праздников и досуга. Прекращается строительство, уплощается керамика, исчезают товары чужеземцев, почти полностью пропадает интерес к олимпийским подвигам. Главным делом Спарты становится война. Большой стиль складывается системой спартанского воспитания, образом поведения спартанского воина и спартанской системой власти.

Историки, легко зафиксировавшие эту перемену, контрастно разделившую раннюю и классическую Спарту, указывают лишь на одну причину перемен – на войны с Мессенией, которые считаются однозначно захватническими, хотя во множестве эпизодов можно проследить, что амбиции мессенцев были ничуть не слабее амбиций спартанцев.

Мессения – страна, во многом сходная с Лаконией. Те же горы, обрамляющие плодородную долину, тот же выход к морю. Ландшафт диктовал ту же социальную организацию, что и в Лаконии. Что же различало две страны настолько, чтобы превратить их в непримиримых антагонистов?

Можно предположить несколько причин противостояния – случайных и закономерных. Случайность в том, что из двух стран первенствовать, играть роль столицы могла лишь одна. Спарта оказалась несколько ближе к остальному эллинскому миру. Закономерное возвышение

Спарты связано, как мы предположили, с сокровищами Трои. Полтора-два столетия эти сокровища обеспечивали Спарте роль центра Эллады. Но как только Спарта оказалась по соседству с зоной военных действий, богатства и богатеи перекочевали в другие города. Оставшимся в Спарте «капиталом» была племенная гордость и сложившаяся иерархия – социальный порядок, в котором аристократией являлся целый народ – спартиаты. «Бегство капиталов» требовало обеспечения социального порядка новыми источниками доходов.

Соседняя Мессения оказалась богатой провинцией, благоденствующей в тени своего могущественного соседа. Населена Мессения была одним из дорийских племен, доминирующих над остальными жителями страны точно так же, как спартиаты доминировали в Лаконии. Но периферийное положение не приносило мессенским дорийцам никакой славы, а переход от кочевого скотоводства к земледелию не был подкреплён смягчающими этот период условиями, которые имелись в Спарте. К тому же Мессения, по всей вероятности, приняла ахейскую знать, бежавшую из Лаконии. Именно поэтому Мессения не имела целостного управления, будучи разделённой на отдельные общины.

Население Мессении росло численно, а ахейская знать мечтала о реванше. Рано или поздно, ее племенные вожди должны были соблазниться сокровищами Спарты. Признание соседей врагами вполне соответствовало векам разделённого существования – две страны существенно разошлись по культуре и образу жизни.

Этнический кризис Спарты, сменивший ее облик, был наверняка связан с разложением элиты – большая ее часть почувствовала себя «гражданами мира» и легко сменила отечество, бежав в Афины. Другая часть, восстановила древние обычаи, произведя реформы, в дальнейшем приписанные великому реформатору Ликургу. Это спасло Спарту от покорения соседями и позволило образовать новый государственный порядок и новые источники доходов.

Не Спарта была источником войны, а война сформировала Спарту в том классическом облике, который мы знаем. В условиях опасности был создан совершенный государственный и военный механизм, успешно работавший еще три века. Источник опасности – Мессения – стал источником ресурсов, необходимых для поддержания этого механизма. Завоевание Мессении дало Спарте то, что теперь мы назвали бы «ресурсной базой». Дорийские греки в Мессении превратились в илотов и периеков, позволив аристократии Спарты укрепиться и создать более мощную армию.

Душещипательный рассказ о беззащитной и мирной Мессении противоречит фактам истории. Жестокость мессенцев по отношению к спартамцам была не меньшей, чем спартамцев в отношении мессенцев. Но жестокость приписывалась историками именно спартамцам – в порядке распределения ролей в сюжете, который должен быть подверстан под культурный стереотип современного европейского исследователя. Очевидно, из страха перед победоносной Спартой подобное распределение ролей имело место и в антиспартамской агитации Афин. Конкурирующие со Спартой Афины создавали свой политический миф, попрекая спартамцев тем, что видели у себя под носом, но не желали признавать как факт жизни собственного отечества – не меньшую жестокость своих собственных войн.

История Мессенских войн, излагаемая историками вслед за Павсанием, откровенно необъективна и представляет спартамцев сущими извергами. При этом описанные Павсанием события отделены от него шестью веками. Даже основной источник, которым пользовался Павсаний, – сочинения Мирона Приенского – вызывали у него самого большие сомнения в их правдивости и были откровенно антиспартамскими.

Двадцать лет первой Мессенской войны отмечены взаимными военными экспедициями спартамцев и мессенцев. Они грабили и разоряли территорию противника. При этом даже крупные сражения собирали с обеих сторон всего несколько сотен воинов. Штурмовать крепости спартамцы и мессенцы не умели, ограничиваясь лишь осадами, изматывающими обе стороны. О тяжести войны для спартамцев говорит легенда о том, что всех, уклонившихся от

войны, спартанцы отдали в рабство, а родившихся в период войны детей называли «парфениями» (сыновьями дев) и лишили права дележа земель Мессении после победы над ней. Позднее они как изгнанники создали спартанскую колонию в Таренте.

В результате войны Спарте отошла примыкающая к ее территории часть долины реки Памис с плодородными землями. Население этой территории получило статус, близкий к илотам и периекам. В этом исходе нет никакой избыточной жестокости, ничего необычного. Все эмоциональные оценки, повторяемые современными историками, наследуют политические интриги, отраженные в писаниях Павсания, а также призваны поправить историю с целью более успешных исторических аналогий с политическими режимами XX века. Политике нужен символизм, а историки оправдывают в глазах власти свои изыскания, поставляя символы в руки столь же недобросовестных политиков, оправдывающих свои деяния «исторической правдой».

Вторая Мессенская война, разразившаяся через полвека, с разной степенью интенсивности шла почти семьдесят лет. На стороне мессенцев выступали Аркадия и Аргос. Спартам пришлось оборонять свою родовую территорию. На грани катастрофы спартанцы впервые выстроились в фалангу. Поражения сменились победами, Аркадия и Аргос были нейтрализованы успешной дипломатией, и мессенцы снова отступили в горы и приморские области. Легенда о свирепости спартанцев разбивается об их неизменную практику – щадить врага, бегущего с поля боя.

Фаланга возникла, скорее всего, сама собой – из «мужских сообществ». Вынужденно на поле боя вышла элита спартанского общества, под напором врага ставшая плечом к плечу и дисциплинированная смертельной опасностью. Новая тактика, потом широко распространенная в других греческих государствах, быстро дала преимущество перед численно превосходящим, но неорганизованным и плохо обученным противником.

Ужас войны, страх перед возможным поражением кардинально изменил Спарту – элита окончательно отказалась от привилегий и стала частью сообщества равных – единого военного лагеря, всегда готового к войне и непрерывно ведущего карательные операции в беспокойной Мессении.

Символизм исторической памяти затмевает реальные события и отвергает закономерности, более заметные при отсутствии запроса на осовременивание древности. Если не проводить сомнительных аналогий между историей и современностью, Спарта не будет выглядеть в качестве жестокого агрессора и оккупанта. Она будет эффективной аристократией или даже политией – системой государственного устройства, совмещающего монархические, аристократические и демократические черты. Действительно, страной правили цари (два одновременно – подобно римским консулам), геронты (совет старейшин) и народное собрание.

Процветание ранней Спарты могло смениться либо ее завоеванием, например Мессенией, либо мобилизацией. Спарта предпочла стать государством, преодолев свой племенной ландшафт и получив ресурсы для содержания такой власти, которая соединила спартиатов общим делом вне зависимости от достатка и социального положения. Этим делом стала война.

Спарта стала единственным территориальным государством в Элладе, распространив свою власть не только на ближайшие к своей столице земли. Прочие города-государства контролировали лишь незначительные территории, а избыточное население «сбрасывали» в колонии по всему Средиземноморью. И только война соединяла это пестрое сообщество в нестойкие коалиции. Рыхлые, скандальные демократии неизменно сменялись деспотиями и тираниями. Лишь Спарта устойчиво удерживала аристократический режим правления – скудный, аскетичный, но гордый своим суверенитетом и гражданской солидарностью.

Почему же Спарта не смогла объединить Элладу? Сказались, конечно же, внешние факторы. Но фундаментальной причиной было отсутствие имперских принципов – стратегии поглощения элиты противника и создания общегреческой аристократии. Спарта оставалась

этнократией и пользовалась всеми преимуществами этого режима. Но этот же режим был ограничен в возможностях, в охвате человеческих ресурсов Эллады.

Война создала классическую Спарту, но война ее и погубила – как только Спарте была противопоставлена более многочисленная и столь же профессиональная армия. Технология «изготовления» спартанского солдата рано или поздно должна была перейти к другим сообществам. Тем не менее, этот процесс продолжался столетия. В конце концов спартанская «технология» оказалась в руках македонцев, а затем римлян – родственников спартиатов от троянского корня.

Тип спартанского государства

О состоянии государства в Спарте можно судить только по свидетельствам сохранившихся античных письменных источников и по археологическим данным. Письменные источники касаются преимущественно классического периода Греции и имеют явно проафинский характер (Геродот, Фукидид). Именно в этот период Спарта заметно отличалась от других греческих государств. Археология может показать, было ли сословное деление, что представляли собой административные центры, какие отношения и взаимные влияния были между Спартой и другими государствами. При отсутствии историографических источников только так можно получить хоть какие-то представления об архаической Греции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.